

Олег Шварц

Синяя планета

Рассказ

Почему-то, когда мне было одиноко, я хотел физически попасть на Синюю планету. Телепортация или дырочная телепортация (как ее называли в прошлом) туда была запрещена. Существовала тысяча экзотических способов побывать на Синей планете, не выпивая всякой защитной гадости и не садясь в космобиль без ведома моего старшего брата. В конце концов я мог долететь туда любым рейсовым кораблем. Правда, они давно уже стали экскурсионными, но летали довольно быстро. Билет стоил сущие копейки. Последнее время появилось много любителей старины и экзотики. Собираение старинных монет, книг, оружия, вазочек, статуэток и всякой всячины из разных частей вселенной было любимым занятием многих и многих. Но если говорить о моих пристрастиях, то путешествия для меня стояли на первом месте. Экскурсионные бюро порой приглашали в такие головокружительные места, что без дополнительных чипов, особых систем защиты, кислородных приборчиков, а иногда и колец-невидимок перенесение туда было строго запрещено. Можно было также полежать на учебных курсах, где в тебя вливали информацию, прививая необходимые навыки, знания и сноровки. Можно было даже послушать робота-лектора, если ты уж такой дикий, и потом закрепить и расширить в памяти материал с помощью таблетки лаплана, если ты ну совсем настоящий дикарь или безумный историк с нестандартной душой и нездоровыми порывами. Я мог бы попасть туда, не выходя из комнаты. Новая дорожка и очки от Снейга, и никаких кнопок. Путешествуй куда хочешь, даже на ту планету или в ту страну, которую ты сам придумываешь на ходу. Конечно, это старый как мир способ, но когда телепортация

в то или иное место запрещена, вполне приемлемый. Каждая ямка на дороге, каждая травинка и росинка были подсчитаны, каждый ручеек тек с реальной скоростью в реальном времени, подчиняясь той силе ветра, которая в тот момент там была. Я удивлялся – неужели листья дрожат точно так же, как сейчас, там, на Синей планете, а ветки качаются в тех же направлениях и с той же скоростью? Я не очень-то вдавался в эту методику. Коммерческая сила дошла до того, что в фирменном описании нового оснащения говорилось, что незримая пыль, которая незначительно поднимается в воздух при ходьбе человека, смоделирована точно так же, будто вы ставите ногу там, и рассеивается она, и ложится так же, так что будьте уверены, вы ступаете именно там. Разумеется, ничего не говорилось о том, что речь идет лишь о туристических маршрутах. Они, конечно, могли отсканировать всю планету, но, очевидно, не все места были доступны для посетителей, кроме того, где можно сэкономить – можно сэкономить. Зверей и насекомых, которых было не так уж много на планете, они практически игнорировали, хотя восход солнца, закат, запахи, пение птиц – все было сделано профессионально.

И все-таки такое путешествие было не по мне. Ну не могу я осознавать, что скольжу по какому-то листу, а на самом деле иду по траве живописного леса, где хвойная сырость ударяет мне в лицо, кружится голова, я наклоняюсь, чтобы понюхать цветок, ветка трещит под ногой, и солнце внезапно ярко освещает поляну, где огромный дуб плывет в дурманящей пелене, слегка качаются зеленые паруса его ветвей, и синичка, не пугаясь меня, садится на тоненькую ветку, которая раскачивается, как трамплин. Хочется разбежаться и влететь на поляну, прямо всем телом в свежий стог ароматного сена, которого раньше здесь не было, но я его придумал. Вот тут и возникает путаница. Я скольжу и спотыкаюсь на искусственной тропе, а не иду по траве живописного леса. Но какая разница, если цель достигнута? Ты вроде бы на планете, все кажется таким натуральным, что трудно в это не поверить. Так считают в фирме Снейга и вообще большинство людей.

На корабле я заснул под тихую музыку. Нежный женский голос что-то рассказывал о Синей планете, словно убаюкивал. Я не вслушивался в слова. До меня доносился почему-то звук да-

лекого поезда, который идет по рельсам. О существовании подобных средств передвижения я узнал из статьи некоего Спайкса, который и сделал себе карьеру на выкапывании всяких инопланетных древностей.

Станция была углым причальчиком посередине зеленого поля свежей травы. Там же, на причале, можно было взять рулелет – я так его называл – старинное устройство для перелета на близкие расстояния. Кстати, как оно называется? Не помню. Стоишь и держишься руками за руль, полукруглое стекло защищает от ветра. Летишь себе на высоте двух-трех метров, можешь зависнуть в воздухе – красота. Едва я начал взлетать, меня занесло в сторону и чуть не шваркнуло о землю, но спасибо экскурсионной компании, рулелет имел защитную систему от ударов и падений, которая определяла массу и форму тела, с которым можно было столкнуться, и высчитывала мощность выброса сжатого газа, при этом выравнивая рулелет.

Я тихо летел, и деревья шелестели совсем рядом. Я чувствовал себя землянином, который летит на работу или еще куда-нибудь и просто решил по дороге полюбоваться лесом. Мне казалось, я знаю эти места, здесь прошло мое детство. Здесь мы разбили палатку давным-давно с моим другом. Я в первый раз тогда заночевал в лесу, а мой друг все пугал меня какими-то страшными историями и по-волчьи скулил. А потом, когда совсем близко над нами ухнула сова, и проткнувшее палатку эхо так и осталось в ней, мы забились в угол, обняв друг друга. И не было никого ближе в тот час на целом свете. Вот он, мой лес, где я заблудился, где я плакал, смеялся, играл, пел, где гулял насвистывая, когда было радостно, и куда уходил горевать, когда налетала грусть. Я удивлялся такому повороту моих мыслей. Ведь это же не моя планета, не моя земля, и бывал я здесь только в виртуальной реальности коммерческих экскурсионных программ. Но почему же лес казался мне таким близким, словно тот друг, с которым мы испугались совы в палатке? Друг, которого у меня нет.

Лес перешел в гладкую равнину, которая ковром-самолетом приземлила меня на песчаный берег голубого жгучего моря. Я приземлился так аккуратно, что не почувствовал прикосновения к земле. На меня смотрело все вокруг, все, что имело глаза,

все, что дышало и жгло. Я прыгнул на песок, снял обувь и мгновенно ощутил его теплую вдавливаемую гладь. Мне совершенно не было ни одиноко, ни страшно оттого, что никого нет кругом.

Я шел по берегу моря, огромного моря. Я понимал, что оно настоящее, не созданное человеком, и от этого море казалось еще огромней. Горизонт был прочерчен темно-синим карандашом, словно наспех, словно кому-то нужно было срочно провести синюю линию, чтобы обозначить начало неба, поднимающегося над морем. Солнце планеты сверкало на волнах отдельными островами, и казалось, что это миниатюрные лодки своим солнечным сиянием качаются на волнах, переливаясь крылатым огнем. Это было похоже на нашествие сверкающих чаек, летящих очень низко над поверхностью воды. Они приближались к берегу, но не враждебно, просто спеша по своим делам. Прямо у берега они превращались в одинокие огоньки, сгорающие и зажигающиеся вновь.

Передо мной замерцало изображение Дэна. Я сказал: «Привет», – не отрывая взгляда от горизонта.

– Куда ты пропал? – голос Дэна звучал так чисто, как будто он был частью этого моря.

– Полетел на Синюю планету.

– Как твои исследования? Кетри не любит отстающих, ты ведь знаешь?

По-моему, он не придумал значения моему ответу или не услышал его.

– Поэтому мне и нужен был этот день. Настрою процессор на два дня бодрствования и все сдам в срок. Видел бы ты, какое тут море!

– Где?

– На Синей планете.

– Где? Это же планета Земля! Как ты туда добрался? Подожди, но ты... Ты отключил процесс отслеживания? – он понизил голос. – Ол, зачем... ты знаешь, что...

– Дэн, не волнуйся. В следующий раз полетим сюда вместе.

– Как ты туда добрался?

– На экскурсионном корабле.

– Фу ты, не знал, что они еще летают.

Я сел на песок и стал бросать камушки в воду. Дэн все еще мерцал над водой. Он устраивался в кресле поудобней.

– Включи изображение, – буркнул он мне. – Знаешь, когда я последний раз там был?

– Знаю, Дэн, был, не ступая сюда ногой.

– Какая разница, все было по-настоящему. Мы взбирались на какой-то холм и даже пробовали бананы, а потом наш гид совершил хулиганский поступок, и мы оказались в сохранившейся хижине где-то в Норвегии (как сейчас помню). Знаешь, была там такая страна когда-то. В хижине я видел скамьи у стенки, большой деревянный стол, кружки, посуду.

– Они сохранились на самом деле?

– Откуда?! Гид нам их воспроизвел. Скопировал предметы из какого-нибудь музея, я думаю.

– А я хочу увидеть то, что действительно сохранилось.

– Ол, там нет ничего живого, кроме микроорганизмов и каких-то мелких животных уже несколько тысяч лет. Как ты отыщешь какую-то кружку?

– Но на санках-то вы покатались?

– А как же!

– Н-да, сидя на диване.

– Ол, не превращайся в дикаря. Ты хочешь стать похожим на выживших из ума путешественников?

– Да, ты знаешь, хочу обратиться к доброму старому дяде Колну и перенестись куда-нибудь в прошлое.

– К этому шарлатану? И потом... это нельзя делать.

– У нас нельзя, а на Синей планете...

– Я тебе могу дать...

– Нет, Дэн, по-настоящему,

– Да, Ол, тебе надо срочно возвращаться к своим исследованиям. Такие мысли тебя погубят. Если тебя съедят динозавры, я не могу себе представить, что напишут эти любители полупо-научных новостей.

– Ну и что? Меня же восстановят.

– Где? На Синей планете? Сто миллионов лет назад?

– Все будет официально.

– Тебе никто не разрешит попасть физически в ту эпоху.

– Дэн, мы заржавели, причем давно, как те норвежские кружки. Ты даже не рассказал мне, как вы катались на санках и ехали вниз с горки. Я делал это когда-то с гидом, сидя на стуле в уютном офисе Детского игрового центра. С ума сойти, какой это идиотизм!

– Почему, Ол? У них можно и по-настоящему поиграть. Когда ты возвращаешься?

– Еще не знаю.

– Хочешь, чтоб я послал тебе дополнительную систему защиты?

– Нет, Дэн. Хочу просто погулять.

– Это глупо, Ол, очень глупо.

Я нашел огромную плоскую ракушку. Она была теплая, даже горячая, и очень красивая.

– Эй, Дэн! Давно ли ты находил на берегу моря такие ракушки?

Я увеличил изображение для него.

– Сейчас отсканирую.

– Да нет, Дэн, просто посмотри.

Но Дэн уже сканировал ракушку, выдавая мне ее химический состав, возраст и структуру.

Я вежливо попрощался с ним, не обижаясь, нет. Дэн занимался экологическими усовершенствованиями искусственных морей. Он очень практично подходил к своей работе и к своей жизни, в которой было мало импровизаций. В детстве он много читал, в том числе и старинную литературу земных авторов. Но вся эта наша жизнь со сканированием продуктов, проверкой работы каждой клетки, моделированием знаний и опыта, техническим предсказыванием, когда люди уже боятся отключать вшитые и привитые им чипы и устройства, советуются с виртуальными психологами, а не с друзьями, – вся эта жизнь свернула его развивающуюся бесшабашность, его порывы, его непредсказуемую творческую страсть в лежащую под стеклом трубочку, которую он только иногда поглаживал, пробуждая в себе воспоминания юности. Я думаю, что в душе его обуревала жажда приятно удивляться, написать стихотворение без запрограммированных подсказок, проснуться один раз и отключить психологическую программу установления настроения, просто поехать в лес, провести рукой по дереву, пообщаться с птичкой, насвистывая ей в ответ. Она и впрямь будет думать, что ты с ней разговари-

ваешь. Она такая, какая есть. И я хочу оставаться самим собой, а не ставить ногу под углом, который высчитывается за меня компьютерными системами, расположенными за тысячи миль от меня и созданными неизвестными мне людьми. Так меньше нагрузка на кость, смотрите, как сократилась ваша мышца, так она сможет развиваться лучше, и кровообращение совсем другое! Обо мне заботятся, спасибо. Но иногда забота кажется тайным разговором родителей на кухне, куда прикрыта дверь, и мама время от времени ее приоткрывает, высовывая голову и проверяя, не слышит ли эту беседу ребенок.

Я прилег прямо на песке. Облака плыли высоко-высоко, очень быстро, словно кто-то задергивал занавес, прикрывая окно неба. Солнце скрылось, освещая края облаков оранжевым сиянием. Я теребил песок, набирая его в руку и высыпая, будто моя рука была песочными часами, которые и не нужно переворачивать. Ветерок дрожал, и я стал уже дремать, как передо мной засверкало изображение симпатичной девушки из экскурсионной компании. Это была старая программа, созданная, очевидно, очень давно. Девушка улыбалась и спрашивала, когда бы я хотел вернуться на станцию, не нужна ли мне еда, вода или помощь, а затем монотонно зачитывала расписание движения кораблей. Я подумал, что, может быть, программа была создана так давно, что программист использовал реальный образ, возможно, той девушки, которую любил. Я вглядывался в ее черты и совершенно не слушал, что она говорила. Как мне было бы интересно, если б она говорила по-настоящему, то, что действительно говорила в своей жизни! Мне было приятно смотреть на нее, и она мне нравилась.

Я задремал. После того что я отключил все, что мог, кроме главного чипа, разумеется, мне снился, наконец, не запрограммированный, а самый настоящий сон. Какие-то птицы летали в нем, одна кричала на другую, и сгустки тумана росли и росли. Потом туман рассеялся, и я очутился в небе над городом. Город был странным. Дымились трубы, по улицам ехали наземные машины, и что самое удивительное – в городе протекала река. Я плыл, как птица, между высотными строениями с темными стеклами, и ветер дышал мне в лицо. Вдруг произошла вспышка, отчего я зажмурил глаза и пулей начал падать вниз. Мне стало страшно, и я закричал. Мой крик

надулся, как парус, между серыми башнями двух домов. Он падал вниз вместе со мной, а потом я плавно остановился, словно крик вдруг стал парашютом, оберегающим меня и спасающим от неминуемой смерти. Я завис и лежал высоко над землей, немного раскачиваясь, как на пружинной кровати, как будто подо мной была огромная сжатая масса воздуха, готовая выстрелить мной в любой момент. Потом я заметил, что плавно опускаюсь, как на лифте, вниз, и машины и люди внизу растут и приближаются ко мне, словно я подвожу к глазам увеличительное стекло и медленно изучаю новый мир и новый город. Я опустился на землю и пошел по тротуару. Я был обычным пешеходом, местным жителем, не упавшим с неба, а живущим здесь всю свою жизнь. Я купил сдобную булочку и съел ее с превеликим удовольствием. На углу улицы, не доходя до моста через реку, меня угостили чаем в уютном кафе с якорями на стенах. Там я почитал любезно предложенную хозяином газету и перебрался парой фраз с человеком, сидящим за соседним столиком. Я прошел еще два квартала и повернул налево. Улица вела к пляжу; она походила на тенистый канал, слетающий к морю, или пирс, приходящий к нему в тени высоких платанов. Я ступил ногой на теплый, немного колючий песок. Я чувствовал, что просыпаюсь, но мне так не хотелось уходить из этого мира! Мне хотелось снова оказаться в кафе с якорями, поговорить с кем-нибудь, вернуться в старые мечты, как в будущее, которое лишь свершится, лишь придет. Оно накроет меня новым огнем и выстрелит в воздух залпом тысяч победных пушек, словно новая жизнь будет рождаться на ходу, и дружба с новым соседником будет приближаться ко мне, как корабль, на котором я совершу кругосветное плавание по этой замечательной планете, и каждая частичка воздуха будет порхать теплой летней бабочкой в новых неизведанных портах, где жители гостеприимны, а женщины засматриваются на мужчин, ища частицу красоты и мужественности, которая им нужна. И улицы полны там праздника и веселья, и корабль нас ждет, и солнце летит по городу, создавая его, словно разворачивается гигантский макет, вырастая из брошенного наземь огромного бумажного рулона, и дома, и мостовые становятся настоящими, вырастают деревья и летят вместе с городом куда-то к подножию горы.

Я подошел к кромке воды, вдохнул воздух и посмотрел назад в сторону берега. Я увидел его совершенно случайно. Он сидел на берегу и что-то писал в тетради. Мне не хотелось знать, какой его рост, вес и генетическая характеристика. Мне не хотелось знать, в каком я точно году. Я просто смотрел на него. Он меня не видел, такой сосредоточенный и чем-то даже похожий на меня. Дэн провалился через полусознание, мой мозг клевали одинокие гудки. Доктор Гурн, наверно, меня засек и для начала хотел просто вытащить отсюда. Он хоть и был моим хорошим приятелем, но сделал бы это без колебаний. Я понимал, что скоро они меня все равно накроют.

Я решил подойти к нему. Какой глупостью было снять туфли, раздеться и остаться в легком тренировочном костюме! Я усмехнулся, что, как и все мы, заражен этой болезнью безопасности. Он увидел меня, провел рукой по лбу и продолжил писать. Я заметил нескольких пляжников. Они не обращали на меня внимания. Мой защитный костюм был настроен на невидимый режим, и поэтому никто не заметил, как он исчез на мне.

– Сегодня тепло, – сказал я и обалдел от самого себя.

– Тепло, – ответил он.

Что это за язык? Но какая разница? Я говорил, совершенно не ощущая, что я его не знаю. Переводчики были одними из лучших наших достижений.

– Я Ол, – выдал я.

– Ол?

– ...Олег, – все-таки процессор нашел близкое имя.

– Вениамин. Будем знакомы.

– Я смотрю, никто не купается сегодня.

– Так вода прохладная, да и поздно уже.

И вдруг мне стало невероятно жалко его. Вот он сидит, пишет, и все вроде бы хорошо. У него порыв, и падает на него печаль, и всплеск невыразимого откровения, и счастье льющегося водопада нот, которые будят его в чудесное доброе утро и улыбаются, как бы говоря, что все плохое осталось в глупом, испугавшем тебя сне, а ты твори и живи, дыши, не умея надышаться, вдыхая еще и еще, и еще! Но ведь жизнь его будет коротка, словно он только проснулся, а день уже пробежал, и вроде сделал что-то, а вроде и нет, и так много еще хочется сделать и вообще выйти в другое

пространство, сбросить с себя тень этого докучливого мира со всякими скучными приятелями и близкими, которые отбирают у тебя эти дни, эти горы и моря, хлопают дверями, сами пекут хлеб и часами спорят, с каким маслом он вкуснее всего.

– О чем вы пишете? – спросил я его. Он замялся и немного смутился. – Извините, – сказал я.

– Нет, – ответил он. – Это так... пытаюсь попробовать себя в жанре научной фантастики.

– Интересно, – я вдохнул этот морской воздух с удовольствием. Таким воздухом можно было подышать... тьфу ты, черт, опять вспомнил я о своей реальности. – Научная фантастика?

Он кивнул: – Пытаюсь.

Я словил себя на мысли, что для меня бумажная тетрадь – как для него кусок пергамента. Вдруг замелькало изображение. Робот, вернее, его голографическая голова в высвеченном для меня экране, замелькала, подпрыгивая на морской поверхности, как маленькое судно.

– Мы отключаем вашу связь с этой особью. Вы перенеслись во времени незаконно.

– Честное слово, я не знаю, как это получилось. Надеюсь, особь, как вы выразились, не узнает о нашем разговоре.

– Естественно. Мы транспортируем вас назад двумя способами, сначала во времени...

Я пытался его отключить, но вдруг перед глазами заплясал Дэн и профессор Карлов.

– Дело плохо, – подумал я.

– Ол, не волнуйся. Я сумел убедить профессора, что это все происки старого дяди Колна. Он перенес тебя в прошлое на Синей планете. Искусно сработал, гад. У меня есть доказательства, Ол. В конце концов, ты полетел экскурсионным кораблем и ничего такого не сделал.

– Здравствуйте, Ол, – прокашлявшись, забасил Карлов. – Я договорился в институте, что вы всего лишь прочтете несколько дополнительных лекций на факультете истории Синей планеты вместо административных наказаний, ведь вы отключили систему защиты.

– Я...

- Ол, не говори ничего, – вмешался Дэн.
- Да, – кивнул Карлов, – выживший из ума Колн, возможно, случайно проделал с вами злую шутку, скорее по глупости. Он будет наказан за это.
- Не надо его наказывать из-за меня, – сказал я.
- Ол, – продолжал Дэн, – мы сможем вытащить тебя оттуда только в два этапа. Подготовься к перемещению во времени, а потом мы тебя телепортируем.
- А может, назад я поеду на экскурсионном корабле?
- Не в твоей ситуации сейчас ерничать.
- Рейсы экскурсионных кораблей временно отменены, – сказал профессор.
- Что? Из-за меня?
- Нет, при чем здесь вы? – Карлов густо прокашлялся. – Готовьтесь к транспортировке. И где ваш костюм?
- О систему, которую они уже успели включить, ударился большой и легкий мячик. Он покатился к воде, и маленькая девочка побежала за ним, постоянно на меня оглядываясь. Я увидел пчелу, которая летела между мной и профессором Карловым, и это было невероятно.
- Мой костюм взобрался на меня за считанные секунды.
- До свиданья, – сказал профессор Карлов, и изображение исчезло.
- Дэн, я...
- Даже не думай с ним прощаться, Ол. Тогда я уже ни о чем не смогу попросить ни профессора, ни кого-нибудь другого.
- Дэн, я так хочу ему помочь!
- Слабый ветер засвистел у меня в ушах.
- Ол, транспортировка начнется в считанные секунды.
- Дэн, я хочу ему пожать руку, чтобы передать дозу лайфодипролонга.
- Ты с ума сошел?
- Он будет жить в два раза больше и не будет болеть. А может, он пишет о нас и предсказывает нашу жизнь? Представляешь, если его рассказы опубликовать? Может, для нас это и фантастикой-то не будет.
- Ол, – Дэн покачал головой.

– Я хочу почитать, что он пишет, черт возьми! Да они, ей-богу, более свободны, чем мы. Что за текст ты мне послал о них, когда вышел на связь? Какой авторитарный режим? Какой Брежнев?

– Ол, система транспортировки начала свою работу. Ты мой друг, и поэтому я не обращаю внимания. Ты слишком возбужден. Знаешь, скольких усилий мне стоило уговорить профессора Карлова не применять к тебе никаких санкций? Все, Ол, приятной транспортировки. Стой, пожалуйста, неподвижно. Сейчас к тебе подключатся из лаборатории.

На экране появился какой-то парень с нордическим цветом глаз и девушка с непомерно большой головой.

– Ваши руки должны плотно прилегать к телу, – говорила девушка, словно зачитывала приговор.

Вдруг я услышал звучный хохот.

– Вот это номер. Ха-ха-ха-ооо...

Какой-то парень с белозубой улыбкой слетал с лестницы и подбегал к моему новому знакомому.

– Что ты тут делаешь? – продолжал парень, не переставая смеяться.

Смех этот был такой радостный и свежий, такой настоящий, что мне захотелось остаться и с мясом вырвать из себя все вшитые и привитые мне приборы. Я отключил мысленно систему слежения. Черт, мне это удалось! Я подбежал к нему.

– Всего хорошего, – сказал я, протягивая руку.

– До свиданья. Приятно было познакомиться.

Наше рукопожатие было коротким. Я протянул ему капсулу лайфодипролонга в стеклянной оболочке.

– Что это? – спросил он.

– Это для здоровья, новое средство от всех болезней. Примите, не пожалеете, – улыбнулся я ему, кивнул его другу и побежал по ступенькам вверх к набережной. В эту минуту они включили систему слежения.

Я прошептал: «Прощай», – и краешком глаза посмотрел в его сторону. Он о чем-то говорил со своим другом. «Кто это был?» – очевидно, спросил друг.

Но я этого уже не слышал.